

— Твоя Белая Луна* вернулась.

Слова прорезали тишину, будто ледяной нож. Ци Хань полулежал на диване, глаза закрыты, сигарета тлела между пальцами. Он едва заметно шевельнул бровью, затем опустил взгляд.

Фу Гэ стоял на коленях между его ног. Мягкие пряди волос вздрагивали в такт его дыханию, тонкие плечи дрожали.

Белая Луна не просто вернулась. Белая Луна стояла перед ним на коленях.

— Кто? Он сделал вид, что не понял, лениво прижал телефон к уху.

Лёд мраморного пола жёг кожу. Колени Фу Гэ вспыхнули красными пятнами, на них уже проступили синяки. Ци Хань нахмурился, затем молча подвёл носок кожаного ботинка под его колени.

Фу Гэ замер, растерянно вскинул взгляд, но, поймав в глазах Ци Ханя приказ, послушно подчинился, осторожно перенес вес на ботинок. Следующая секунда — лёгкий взмах руки, и несколько крупиц пепла осели у него на шее. Фу Гэ вздрогнул от ожога.

Ци Хань лениво оторвал взгляд.

— Сосредоточься.

В телефоне раздался насмешливый голос:

— Фу Гэ, ты что, забыл? Тот самый художник, по которому ты с ума сходил в школе! Богатый наследник, гордый, холодный такой. Ты его год с лишним добивался, а теперь говоришь, что не помнишь?

— А, вспомнил.

Голос Ци Ханя был ровным, но пальцы, лежавшие на затылке Фу Гэ, вдруг сжались. Он резко дёрнул его вверх. Фу Гэ судорожно втянул воздух и зажмурился. Из его горла вырвался сдавленный, почти животный стон. Нос и уголки глаз уже вспыхнули красным от едкого дыма. В слезящихся глазах плясали размытые тени, но он всё же сумел сфокусировать взгляд.

Перед ним — Ци Хань.

Медленно перекатывающийся кадык, резкие очертания челюсти, костюм, безупречный до последнего стежка.

А он сам?.. Голый на коленях и лишь в галстуке, сползающем с ключиц.

Пропась.

Он отвлёкся на долю секунды — Ци Хань это заметил. Глаза скользнули по нему с лёгким оттенком недовольства. Фу Гэ торопливо взял себя в руки, но в следующую секунду почувствовал, как его плечо прижимают вниз.

— Что, не хочешь перекинуться парой слов со старым знакомым? — лениво спросил Ци Хань.

Фу Гэ задумался. В памяти зияла пустота — он не мог вспомнить ни одного знакомого, кто мог бы находиться на том конце провода. Он слабо качнул головой, машинально прикусил губу и сглотнул. Даже его покорность выглядела механической. В телефоне снова раздался смех:

— Братан, да ты же за ним как собачонка бегал! Вся школа знала, что ты был его главным хвостиком. Даже в Литанг за ним попёрся. Чёрт, Ци Гэ, неужели он оказался настолько неприступным?

Литанг... Ци Хань медленно поднял сигарету к губам и затянулся. Горький, терпкий дым прокатился по горлу, оставляя после себя глухое, вязкое послевкусие. Выдох — и в воздухе растаяли белёсые спирали.

Точно так же, как когда-то копыта взметали облака тумана над горой Зага. Пять лет назад.

Летун-Литанг. Он до сих пор помнил. Фу Гэ, оседлав коня, мчался сквозь багряное зарево предзакатного солнца. Под копытами разрывались двадцать два цветных флага — символ удачи и защиты.

Он был единственным бетой среди десятков могучих кхамских всадников. И первым прорвался к финишу.

Ветер рвал его волосы, хлестал по лицу, но он не останавливался. Под ним билась в ярости лошадь, вокруг пылали краски уходящего дня. И в тот миг даже легендарные снежные вершины Литанга померкли.

Ци Хань помнил этот взгляд. Фу Гэ резко дёрнул поводья, укрощая скакуна, повернул голову и посмотрел прямо на него.

В тот миг всё исчезло. Горы, закат, зрители на трибунах. Остался только он. Фу Гэ был тем самым блудным сыном из стихов Цаньяна Гьяцо*.

Человеком, один лишь порыв ветра в волосах которого заставляет не спать ночами.

Перед награждением он подъехал верхом, лицо раскраснелось от скачки, капли пота прилипли к коже. В глазах сияло что-то одновременно дерзкое и стеснительное.

Он ухмыльнулся, не спеша приподнял его подбородок плетью и сказал:

— Не забудь, что ты мне обещал. Я победил. Где мой приз?

Ци Хань медленно поднял взгляд и усмехнулся.

— Хорошо.

Ци Хань улыбнулся, поднял руку и медленно убрал выбившуюся прядь за его ухо, пальцы на мгновение задержались, ощущая тонкие нити, которые он сам вплёл в его волосы.

Приз за первое место — тёмно-синяя хада*, символ бескрайнего неба. Тибетцы, вручавшие награду, с восторгом говорили, что Фу Гэ — самый быстрый бета-всадник, которого они когда-либо видели. Будто молодой степной орёл, что рвётся ввысь, и только небо может стать его истинной парой.

Фу Гэ засмеялся, развернул хада на ветру и бросился к Ци Ханю, но не успел добежать. Прямо перед ним возникла девушка-тибетянка. Этот сияющий маленький бета вскружил голову не только Ци Ханю — стоило ему спешиться, как вокруг тут же собралась стайка из четырёх-пяти ребят, среди них были и альфы, и омеги. Тибетцы никогда не стеснялись своих чувств, если кто-то им нравился, они шли и говорили об этом прямо. Одна из всадниц, альфа, финишировавшая четвёртой, протянула ему свою хада, предлагая обмен. Это был древний обычай: если человек принимал хада, он соглашался стать спутником того, кто её подарил.

Но Фу Гэ даже не смутился. Он с лёгкостью обнял девушку и сказал:

— Вы — самая прекрасная и отважная всадница, что я встречал. Мне невероятно приятно ваше внимание.

Затем улыбнулся, покачал головой и повернулся к Ци Ханю, который стоял вдалеке. Голос его был лёгким, тёплым, словно утренний туман, но в каждом слове звучала твёрдость:

— Но хада я не могу отдать. Потому что у меня уже есть мой тикка.

Закат задержался в тот день дольше обычного, словно хотел стать свидетелем этой сцены. Только когда Фу Гэ закончил разговор и отпустил девушку из объятий, последние лучи солнца окончательно растаяли за горизонтом.

Ци Хань не слышал их диалога. Всё, что он увидел — Фу Гэ, освещённый последними отблесками заката, скачущий прямо к нему. И в тот миг, когда он пронёсся мимо, он бросил хада. Шёлковая ткань мягко легла ему на шею. Ци Хань без раздумий вскочил в седло. Фу Гэ, дёрнув поводья, резко развернул коня и с улыбкой крикнул на всю долину:

— Спасибо за ваше внимание! Но у меня есть тот, чьё сердце я хочу завоевать.

Небо уже темнело, но в его глазах всё ещё плясал солнечный свет.

Той ночью было полнолуние. Фу Гэ катался верхом до самого вечера, и лишь когда луна поднялась в зенит, позволил себе спешиться. Они легли на берегу озера Нацо, глядя ввысь. Луна висела над ними, будто отполированный серебряный диск, над которым пробежала

лапкой нефритовая белка.

Фу Гэ уткнулся в его плечо, тихий, расслабленный. Он всегда был таким — мог быть диким, как снежный барс, острым, как волчий клык, или ласковым, как домашний кот. И каким бы он ни был, Ци Ханю нравилась каждая его сторона.

— Что ты хочешь в награду? — спросил он, развязывая тонкие косички, в которые были вплетены цветные нити.

Фу Гэ смутился, чуть опустил голову.

— Это мой первый раз, — пробормотал он. Он не знал тонкостей, не знал, как правильно вести себя в такие моменты. Он знал только одно — он хочет быть ближе. Наклонился вперёд, позволив волосам скользнуть по плечу, и мягко шепнул:

— У меня нет железа. Но можно мне временную метку?

Ци Хань замер. Он не ожидал, что для Фу Гэ это будет награда. Губы дрогнули, пальцы сильнее сжали его волосы, а потом он наклонился и нежно поцеловал его шею. Зубы легко разорвали кожу, в кровь хлынул горячий аромат его феромонов.

Фу Гэ вздрогнул, судорожно втянул воздух. Ему было жарко, так жарко, что он почти не мог думать. Он прижался сильнее, голос сорвался в мольбу:

— Пожалуйста... ещё...

Ци Хань мягко поцеловал его пальцы, чуть прикусил.

— Ты выиграл скачки, и получил метку. А если бы ты проиграл?

Фу Гэ лениво сжал его руку, покачал головой.

— Тогда я бы взял те двадцать два флага и помолился за тебя.

— О чём?

— О том, чтобы ты всегда был жив и здоров.

В ту ночь Фу Гэ был слишком слаб, чтобы пойти обратно.

Ци Хань нёс его в седле всю дорогу.

И на его шее всё ещё лежала хада.

Слишком много временных меток, и даже бета без железа не мог не отреагировать. Информационные феромоны альфы 3S-класса были слишком агрессивны, слишком властны — они не спрашивали разрешения, просто ворвались в его кипящую кровь, оставляя тело мягким, обессиленным, доведённым до предела. Фу Гэ только забрался в седло, как тут же потерял сознание.

Ци Хань крепче сжал его в объятиях и, слегка покачивая, беззаботно спросил про разговор с тибетской девушкой.

— Я сказал ей, что ты мой тикка.

Ци Хань знал тибетский лишь отрывочно, вскинул бровь.

— Тикка? Что это значит?

Фу Гэ задумался, будто нарочно выжидая, потом мягко улыбнулся.

— Ну... парень, — небрежно ответил он.

Ци Хань не сомневался в его словах. Все последующие дни он привык обращаться к нему так, и каждый раз, слыша это слово, Фу Гэ неизменно краснел. И только перед самым отъездом из Литанга, когда они уже собирали вещи, хозяин гостевого дома, как бы между прочим, сказал ему, что тикка означает муж.

— Эй, Ци-Гэ? Алло, ты тут?

Голос в динамике телефона выдернул его из воспоминаний. Ци Хань очнулся, хмыкнул и, скользнув взглядом вниз, понял, что Фу Гэ всё это время оставался в той же позе. Ни единого движения. Будто почувствовал, что его мысли были далеко, и молча ждал.

— Хороший мальчик, продолжай, — медленно сказал он, запуская пальцы в его волосы.

Потом снова поднёс телефон к уху.

— Я его добился. Несколько месяцев встречались.

— Чего?! — собеседник на том конце провода выдал целую серию ругательств. — Всего несколько месяцев?! Кто решил расстаться?!

Ци Хань прикрыл глаза, пальцы на затылке Фу Гэ чуть сильнее сжались.

— Он.

Фу Гэ резко вздрогнул, судорожно втянул воздух, веки задрожали, потом опустились, но две горячие капли уже скатились по его лицу, оставляя прозрачные дорожки на коже. Одна из слёз упала прямо на лакированный носок ботинка, растекаясь неровным пятном.

Красиво.

Тесная, наполненная дымом VIP-комната, ослепляющий, дергающийся свет, холодный мраморный пол. А посреди этого — обнажённый, покорный, прижавшийся к полу бета, с красными губами и потемневшими от слёз глазами.

Картина не менее захватывающая, чем тот момент в Литанге, когда Фу Гэ, пересекающий финишную черту, вдруг оглянулся через плечо и посмотрел на него.

Дыхание Ци Ханя сбилось. В голове вспыхнуло что-то глухое, неясное, почти инстинктивное.

Но когда его друг с другой стороны трубки с ухмылкой спросил, не хочет ли он попробовать всё вернуть, Ци Хань ответил совсем не то, что ощущал.

— С Бетой? — насмешливо протянул он. — Беты - скучное унылое дерьмо.

Движение замерло.

Фу Гэ даже не вздрогнул, просто сжал губы. Взгляд опустился вниз, куда-то в пустоту. Он следил за узорами на полу, внимательно пересчитывал их, один, два, три... девятнадцать...

И только тогда, когда достиг последней линии, словно что-то осознал.

Скучным были не беты.

Скучным был он.

Той ночью Ци Хань не заставил ублажать его второй раз. Возможно, решил, что он слишком бестолков, или, может, действительно бета ему больше не интересен.

Фу Гэ молча натянул на себя тонкую рубашку, сел, слегка приподняв голову. И тут же заметил, что сигарета в руке Ци Ханя почти дотлела.

— Сигарета... скоро догорит, — он заговорил слишком тихо, даже сам себя едва услышал. — Сейчас обожжёт пальцы.

Ци Хань медленно перевёл взгляд на Фу Гэ. Сумрачные тени ложились на его лицо, подчёркивая тусклую бледность кожи. Он выглядел отрешённо, будто действительно слушал разговор, но не слышал ни единого слова.

Ци Хань улыбнулся.

— Ещё хочешь?

Фу Гэ непонимающе вскинул на него взгляд, он не знал, что ответить.

Они были на разных уровнях. Один — сидел, удобно раскинувшись в кресле, другой — всё ещё стоял на коленях перед ним, и даже поза сама по себе подчёркивала разницу между ними.

Ци Хань чуть шире раздвинул ноги, поза его оставалась ленивой. В воздухе висел резкий, плотный запах альфы 3S-класса, едва уловимый, но ни разу не смягчённый. Он не собирался его сдерживать, ведь ему было всё равно.

Бета не может почувствовать его.

Бета не может даже понять, как он пахнет.

Но этот бета всё равно дрожал.

Альфа 3S-класса подавлял бету на уровне инстинктов. Это было заложено в крови, в генах, в самой природе их существования. Достаточно было одного взгляда — и воздух в комнате сдавливал грудь.

Но Фу Гэ, как назло, вечно всё понимал слишком поздно. Он не видел сигналов, не чувствовал намерений, не угадывал скрытых знаков, и только когда холодная ткань брюк скользнула по его коже, наконец осознал, что должен делать. И только после этого покраснел, задержав дыхание.

— Если захотел, почему молчишь? — голос Ци Ханя звучал ровно, почти лениво.

Глаза Фу Гэ были затянuty влажной дымкой. Горячий, чуть сбившийся выдох оставил в воздухе едва уловимый след.

— Я... сам не заметил...

Ци Хань не ответил сразу. Он медленно потушил сигарету прямо в пальцах, раздавил тлеющий уголок, стряхнул пепел и только после этого, будто невзначай, спросил:

— Где?

Фу Гэ поднял глаза. Губы приоткрылись, будто он хотел что-то сказать, но в последний момент передумал. Вместо слов он просто поднял подбородок, слегка выгнув шею и подставил свою ключицу.

В следующую секунду окурочек, ещё тёплый, но уже не обжигающий, прижался к его ключице.

— А-а...

Боль вспыхнула быстро и резко, пронзая кожу тонкой нитью жара, затем разлилась волной по телу. Фу Гэ напрягся, пальцы впились в собственные ладони, но в глазах на миг мелькнуло что-то почти похожее на удовольствие.

Спазм резким толчком пронёсся по телу, вырвал воздух из лёгких, выгнул спину, заставил бёдра дёрнуться, а пальцы судорожно вцепились в воздух.

Он не мог контролировать это, всё произошло слишком быстро.

Резкий выброс, мгновение чистого, животного напряжения, плотная волна удовольствия, пронзившая его, сжавшаяся внутри и взорвавшаяся в яркой вспышке.

Всего несколько секунд, и всё стихло.

Только тонкая испарина на носу и слегка затуманенный взгляд напоминали о том, что произошло.

Ци Хань посмотрел на него, потом опустил взгляд на собственные брюки.

— Ты снова заляпал мои штаны.

Голос был сухой, безразличный, но в нём сквозило что-то трудноуловимое.

Фу Гэ осторожно встал, пошатнулся, но в следующий момент его подхватили, заключили в крепкие, тёплые руки, прижали к себе, не дав пошатнуться снова.

— Простите, господин.

— Тебе этого хватило?

— Да, господин.

Ци Хань задумался.

Он никогда не понимал, почему для двадцатилетнего беты достаточно всего нескольких секунд, почему его тело реагирует так быстро и так легко.

Он знал, что это ненормально.

Чтобы ему получить удовлетворение, Фу Гэ приходилось стараться часами. Но чтобы Фу Гэ получил его, достаточно было одной вспышки боли.

Только спустя долгое время Ци Хань понял.

Дело было не в том, что ему хватало «малого». Просто это было единственное, что он мог чувствовать.ПП:

*Белая луна (白月光, bái yuè guāng) в китайском языке обозначает идеализированную, недостижимую любовь или человека, который оставил неизгладимый след в сердце, но остался вне досягаемости. Это образ чего-то светлого и чистого, но недостижимого, словно лунный свет, который можно видеть, но нельзя прикоснуться.

*Цанъян Гьяцо (仓央嘉措, Tsangyang Gyatso) — это шестой Далай-лама (1683-1706), один из самых известных поэтов и философов Тибета. В отличие от других Далай-лам, он прославился не только своей духовной деятельностью, но и страстными, романтическими стихами о любви, разлуке и страданиях.

Его называют «самым вольным» Далай-ламой — он любил красивые наряды, покидал дворец по ночам, посещал трактиры и сочинял стихи о тайных встречах и несбывшихся чувствах. Его поэзия сочетает буддийскую философию, тоску и страсть, из-за чего его стихи до сих пор цитируют, особенно в китайской и тибетской литературе.

«Желаю я стать ветром в весеннюю пору,

Залететь в твои окна, поцеловать твои губы,

Желаю я стать солнцем в знойное лето,

Озарить твой лик, наполнить твой взгляд...»

Цанъяна Гьяцо

*Хада — в тибетской культуре шёлковый шарф, символ благословения, удачи и почтения.

<http://bllate.org/book/14453/1278298>